

Колюпанова Ксения

Теплынь

16+

Ксения Колюпанова

Теплынь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Колюпанова К.

Теплынь / К. Колюпанова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

История о летней теплыни, беспричинном счастье и о том периоде жизни, когда юность заканчивается, а всё, что за ней — ещё не началось.

© Колюпанова К., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Теплынь

По морде Ваньке съездили любовно и как-то по-отцовски нежно.

Нежность Ванька не оценил и получил по морде второй раз. Молодое, пьяное тело припало ко влажной земле.

Пока Ванька летел, на груди тонко звякнула связка колокольчиков – как пригоршня серебряной чешуи осыпалась на землю вместе с Ванькой. Осыпалась, разлетелась со звоном, – и пошла, хрустящая, по-над землей, обрастая по дороге то ли набатными колоколами, то ли басовитыми церковными. Языки лупили по железу отовсюду – сверху, слева, снизу, даже откуда-то из-за Левки лупили, сливаясь в один дрожащий гул.

Так казалось Ваньке.

Молодое и пьяное сидело, ошалевшее, и одной рукой прочесывало влажную от росы траву, а второй аккуратно ощупывало лицо.

– Пошумел и хорош, – спокойно сказал Левка, протягивая руку.

Левка – тихий, пока не спросишь – не заговорит, умел быть убийственно спокойным. И всем своим упертым видом вызывал непререкаемое уважение. Я хотела бы так же, как он – врезать кому-нибудь, а потом подавать руку, и чтоб все вокруг кожей чувствовали мое самообладание. Внутри, может, Левку и колотило, но – не выдавал.

Ванька поглядел ладонь, только что чуть не снесшую ему скулу. Подумал немного. Разумно решил пойти на мировую. Он рывком подтянулся на Левкиной руке – Левка покачал головой:

– Ну и язык у тебя. Как у колокола.

Ванька отряхнул руки от прилипшей травы, снова осторожно потрогал лицо, покосился на Левку и ничего не ответил.

Когда я смотрю на Ваньку – сразу вижу себя в детстве. Вот мне двенадцать лет. Бабушка с вечера попросила собрать яблоки – хотела отдать их кому-то с утра.

Забылось.

Тишина в саду густая, атласная, хоть ножом режь. Все в ней тонет – я тоже нырнула и стала неслышной. Не лают собаки, не шелестит трава. Только спиной чувствуется, как беспокойно ходит волнами картофельное поле.

Сначала поднимаю шершавый камень. Двумя пальцами поднимаю – двумя пальцами швыряю, стараясь сбить с ветки круглое, здоровое яблоко, но – мимо. Тогда я пытаюсь раскатать яблоню, но ствол большой и тяжёлый. Да и темень – на слух что ли искать?

Я паникую. Хожу вокруг яблоньки – и никак.

Дура. Дура. Дура-то какая, господи.

В деревнях почему-то всегда яблони зовут яблоньками. А груши – грушеньками. Такое неудобное слово: путается во рту, нелепо бьётся о зубы, мягкий знак теряется, и выходит чёрт-те что. “Грушенка”. А все равно. Таковую честь – больше никому. Яб. Лонь. Ка. Гру. Ше...

Ну же, милая. Пожалуйста.

Я нелепо прыгаю к ветвям – и пытаюсь ухватиться. Пригибаю их ниже, осторожно, чтоб не обломить, и, не глядя, рву – одной рукой обрываю: удержать бы, удержать, удержать!

Иногда откусываю. И снова рву.

Справа от меня кто-то шмыгает в смородине – шевелится куст. Мне становится страшно. Я отпускаю ветку – прижимаю к себе собранное, и утихаю совсем. Не двигаюсь. Страх горлом идет – попробуй, пискни.

Я храбрая, но не сейчас.

Внутри неприятно холодит. Исчезнуть хочу, раствориться. Растворяюсь совсем: я там, я здесь, я взгляд, я слух – я слышу, как в конце деревни звенит ложка в чашке чая и гремит собачья цепь за километр отсюда.

Вот дура. Два часа ночи, какой чай.

Может бабушка заметила, что меня нет дома? Может, она меня ищет? Куст снова оживает – я, не думая, хватаю самое тяжелое яблоко и швыряю в него. Остальные – падают из рук, грузно рассыпаются, а ноги несут меня обратно. Я боюсь, мне страшно, я хочу домой.

Добегаю до калитки. И вспоминаю. Обещала.

Делаю все быстро и шумно, не чуя ни ног, ни рук, ни о чем, кроме страха не размышляя. Схватил меня изнутри, выворачивает, в горле стоит – горлом идет, и подгоняет. Рву яблоки, гну ветки, уже не волнуюсь за их сохранность.

По спине бегут мурашки.

Задираю подол футболки и заворачиваю собранное. Подол становится мокрым. Бегу. Залезаю на подоконник, спрыгиваю в дом, и, тая в шагах остатки садовой тишины, высыпаю тяжелые яблоки на стол. Голова у меня такая же тяжелая. И сердце бьется часто.

Последнее, что вижу перед сном – яркие слезящиеся звезды.

Утром стол оказался пуст.

Яблонька за окном кудрявилась, шелестела, по-доброму меня поддразнивая. Я не гордилась вчерашним – наоборот, все показалось таким глупым и надуманным, что стало стыдно. Особенно за то, что швырнула яблоком в куст.

Подумала – испугалась бы, снова попадая туда?

Испугалась бы.

Гордо мне все равно не стало. Только легче.

Я лежала в кровати, теплая со сна, и у меня жутко чесались лопатки. Сводила их и чувствовала, как из спины у меня от радости пробиваются маленькие крылья, крылья, крылышки.

И вот, когда я смотрела на Ваньку – то мне казалось, что у него под футболкой пробиваются такие же крылья. Или уже пробились. Или ему достались мои. Если бы Ванька на них взлетел красивой гибкой птицей, по небу рассыпался б светлый хрустальный звон.

На кой черт Ваня носил на груди связку колокольчиков – никто не знал. Мне все время было интересно – моется он тоже с ними, или снимает? У бечевки узел – только топором рубить.

Левка говорит, что с ними он похож на отбившуюся от стада корову, и в чем-то прав. Ванька и без колокольчиков на нее похож. Все, за чтобы он ни принялся, делалось с такой умолильной нелепостью, что хотелось прижать его к груди со словами: «Горе ты моё, горюшко».

Горе скалилось, огрызалось, но колокольчики не снимало.

– Ванька, – спросила я как-то. – Тебе чем нравится заниматься?

– Стрельбой, – затянулся он, докуривая последнюю сигарету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.